

Уважаемые коллеги!

Ниже представлен текст моего доклада на очередном заседании нашего круглого стола «Процессуальная логика. Мышление и его границы» в рамках проекта «География рациональности», которое запланировано на 13 июня 2019 г. Этот доклад объясняет, почему я считаю свой подход максимально широким и не исключаящим, а, наоборот, предполагающим разворачивание программ и когнитивных, и формально-логических, и многих других направлений исследования на основе схематизмов как европейского, так и иных типов мышления. Он также показывает, в каком смысле можно говорить о разных «разумах»: границы каждого — это границы задающего его схематизма. Наконец, здесь показано, почему идея различия рациональностей (а не многообразия рациональностей) продолжает сталкиваться с иррациональным, не аргументируемым неприятием и желанием отвернуться, оставить «всё как было», верить в ее невозможность вопреки фактам: привычный схематизм, задающий для разума его границы, эти границы ревниво оберегает. Однако я уверен, что ясное понимание этих границ и, главное, возможности задать границы разума иначе снимет этот сугубо психологический барьер. Кто испытал возможность работать в разнологичных перспективах, уже не вернется к монологичной, как никто не променяет цветное зрение на черно-белое.

А.В.Смирнов

Можно ли мыслить процессуальность в рамках европейской понятийной системы?

25 апреля 2019 г. в рамках проекта «География рациональности» прошло заседание круглого стола «Можно ли сегодня философствовать вне европейской понятийной системы?» https://iphras.ru/25_04_kruglyi_stol.htm. В докладе А.А.Крушинского была поднята проблема, выраженная в названии круглого стола, и дан отрицательный ответ. В дискуссии после доклада В.И.Шалак поднял вопрос о процессуальной логике. Эти два вопроса обозначают суть моего доклада, которую я также выражу в виде вопроса: «Можно ли мыслить процессуальность в рамках европейской понятийной системы?»

Ответ на этот вопрос требует отсылки к общей теории сознания, задающей, в числе прочего, и понимание того, что такое мышление. Мой максимально сжатый и предварительный очерк такой теории, который я представлю, опирается на две стержневые, неотменяемые идеи: 1) субъект-предикатная «склейка» как нередуцируемое начало и 2) вариативность субъект-предикатной склейки.

Субъект-предикатная «склейка» концептуализируется с опорой на категорию «связность». Связность «что» и «какое» составляет исключительное условие, и вместе с тем содержание, связанного сознания. Можно говорить о такой связности по меньшей мере на трех уровнях: чувственное восприятие; язык; теоретическое мышление.

Любая рационализация опирается на субъект-предикатную связность, но сама связность не может задаваться рационально. Значит, она может быть понята только как интуиция. Разрыв между интуицией, т.е. чем-то до-, под- или бессознательным, и связным (ясным) сознанием на любом из трех перечисленных уровней заполняется тем, что Кант назвал «схема». Следовательно, интуитивное полагание субъект-предикатной связности, делающее возможным ясное (связное) сознание и задающее линии его содержательной наполненности, может обсуждаться как схематизм.

Выявлен ли базовый схематизм субъект-предикатной связности для европейского мышления? Безусловно. После Канта, давшего общую постановку вопроса, отмечу в этой связи два имени: Леонард Эйлер и Марк Джонсон. «Круги Эйлера» задумывались как экспликация схематизма формальной логики (даже если Эйлер не использовал эти выражения) и позже были использованы в той же роли в математике (теория множеств), тогда как классическая книга М. Джонсона (*The Body in the Mind*, 1987) заложила основы «отелесненного» понимания когнитивных процессов, будучи задумана как экспликация схематизма задания значений слов естественного языка и очевидности базовых операций формальной логики. Таким образом, базовый схематизм субъект-предикатной связности в его европейском варианте был рассмотрен для языка и теоретического мышления, т.е. второго и третьего из выделенных выше трех уровней связанного сознания; первый из них (чувственное восприятие), хотя и не обсуждался специально у этих авторов, легко восстанавливается.

Общей чертой отображения схематизма субъект-предикатной связности в его европейском варианте у названных трех авторов служит его пространственный характер. Так, Кант говорит:

Схема треугольника не может существовать нигде, кроме как в мысли, и означает правило синтеза способности воображения в отношении чистых фигур в пространстве (*Кант И.* Критика чистого разума // Сочинения на немецком и русском языках. М., 2006. С. 259).

«Схема» близка к «образу», но характеризуется большей общностью в силу большей абстрактности:

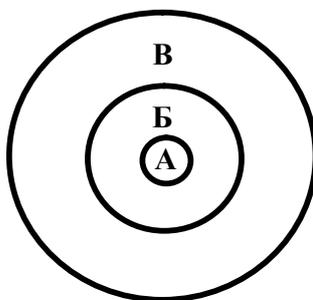
Если я полагаю пять точек одну за другой , то это образ числа пять.
Если же я мыслю только число вообще, безразлично, будет ли это пять или сто, то

такое мышление есть скорее представление о методе, каким представляют в одном образе множество (например, тысячу) сообразно некоторому понятию, чем сам этот образ... Это представление о всеобщем способе, каким способность воображения доставляет понятию его образ, я называю схемой [для] этого понятия (там же).

Мне представляется и удобным, и по существу правильным использовать кантовское понятие схематизма для обозначения той способности нашего сознания, которая обеспечивает субъект-предикатную связность. В случае европейского мышления неотменяемый пространственный характер этого схематизма, равно как его роль в обеспечении субъект-предикатной связности, подчеркнут знаменитыми кругами Эйлера.

Эйлер подчеркивает, что при предлагаемом им способе употребляют фигуры или пространства, «имеющие какую угодно форму, чтобы представить каждое общее понятие, и обозначают субъект предложения пространством, содержащим *A*, а предикат другим пространством, содержащим *B*. Природа самого предложения включает всегда либо то, что пространство *A* находится полностью в пространстве *B*, либо то, что оно находится в нем лишь частично, либо, что, по меньшей мере, какая-нибудь часть его находится вне пространства *B*, либо, наконец, что пространство *A* лежит полностью вне *B*» (Кузичев А. С. Диаграммы Венна: История и применения. М.: Наука, 1968. С. 12—13).

Изобразим три круга «А», «Б» и «В», один в другом:

Очевидность того, что «любое А есть Б», что «любое Б есть В», и что, «следовательно, любое А есть В» — эта триединая очевидность обеспечена пространственным характером данной иллюстрации, запускающей, словно спусковой крючок, в нашем сознании схематизм субъект-предикатной связности. (Конечно, чтобы такой схематизм запускался, необходима соответствующая подготовка, достигаемая известными культурными практиками.)

На кантовское понятие схемы и различие схемы и образа опирается М. Джонсон. Подчеркивая принципиально не-образный характер схематизма, он тем не менее дает исключительно пространственные иллюстрации тех схем (Джонсон использует как взаимозаменяемые термины *schema*, *embodied schema*,

image schema), которые не представляют собой как таковые дискретную субъект-предикатную структуру типа «S есть P», получающую значения «истинно» или «ложно», поскольку они

присутствуют в нашем понимании скорее непрерывно, в аналоговом модусе. Хотя мы и можем представлять характеристики этих схем в виде высказываний, используя конечные репрезентации, мы тем самым утрачиваем способность объяснить, как они на самом деле работают и видоизменяются (*Johnson M. The body in the Mind. The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1987. P. 23*)

Так, для того, чтобы дать понять, какова схема, объясняющая включение и, следовательно, значение слова «в», М.Джонсон прибегает к такой иллюстрации (там же):

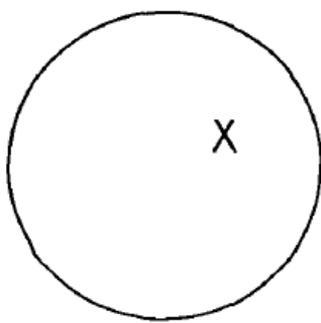

FIGURE 2. CONTAINMENT

При этом он подчеркивает (опять-таки вслед за Кантом), что такой рисунок (drawing) — это не сама схема, а лишь подсказка, помогающая описать схему. Но именно пространственные рисунки служат для М.Джонсона универсальной иллюстрацией того, как наш телесный опыт «общения с миром» формирует значения используемых слов и определяет понимание таких законов логики, как закон исключенного третьего или закон транзитивности (там же, с.39-40).

Если Кант и следующий ему Джонсон стремятся как будто вывести пространственность за скобки, вытеснить, оставив за пространственностью сферу образа и поставив схематизм вне ее, то Эйлер непосредственно апеллирует к пространственности; если Кант и Джонсон не используют понятие «схема» и ее пространственное отображение для объяснения простейшей формы высказывания «S есть P», то Эйлер, напротив, именно на этом ставит акцент; если Кант и Эйлер не опираются на идею схематизма в объяснении того, что именно значат слова и почему они значат именно это, то Джонсон именно так и поступает.

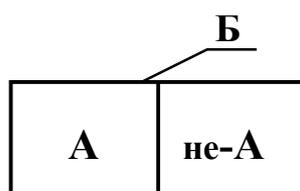
Мне представляется, что следует пойти дальше по тому пути, контуры которого намечены этими авторами. Для этого будет полезным:

- использовать понятие «схема» и говорить о базовом схематизме сознания как интуитивно практикуемой способности субъект-предикатного связывания;
- отказаться от догматического постулата об инвариантности такого схематизма, обеспечивающего связность сознания;
- принять как данность тот факт, что «пространственность» подсказывается нашему сознанию в качестве базового, исходного значения тем вариантом задания субъект-предикатной связности, который проявил себя в истории европейской мысли и который эксплицирован названными авторами;
- показать, каким образом «пространственность» делает для нас ясными такие исходные значения, как «быть», «и», «или», «нет»;
- проверить гипотезу о том, что другие варианты схематизма субъект-предикатной связности могли проявить себя в иных культурах и иных традициях мысли, нежели европейская.

Первые три пункта — вывод из сказанного до сих пор. Остается раскрыть последние два.

Для того, чтобы показать, каким образом «пространственность» (1) делает для нас ясными такие исходные значения, как «быть», «и», «или», «нет»; (2) заставляет считать самоочевидными закон тождества, противоречия и исключенного третьего и (3) задает в качестве предельной (минимальной и нередуцируемой) в индоевропейских языках форму высказывания «S есть P», нам надо сделать шаг от связности к целостности.

Простейшим рисунком, выводящим на свет схематизм целостности таким, каким он представлен в европейской мысли, служит иллюстрация простейшей родовидовой схемы:

Эта иллюстрация не может не быть пространственной, поскольку опирается на интуицию конфигурированных пространств. В этом смысле она согласуется с идеями тех авторов, которые обсуждались выше. Если субъект-предикатная связность — это схематизм интуитивного схватывания нерасторжимости и арифметического единства того, что двойственно, то целостность — это схематизм неутрачиваемой необходимости каждого для всего прочего. Нельзя объяснить, что такое род, не прибегая к понятию вида, и наоборот; нельзя объяснить, что такое вид, не прибегая к понятию рода и дихотомии; нельзя объяснить всё это, не прибегая к значениям отрицания и объединения, и наоборот. Все эти значения поддерживают друг друга, невозможны одно без другого,

появляются только все вместе и утрачиваются все, если утрачено какое-то одно из них. Это объясняет, почему целостность нередуцируема и в чем ее принципиальное отличие от целого.

Целостность, пространственный схематизм которой представлен выше, и субъект-предикатная связность различны, поскольку целостность как таковая не предполагает субъектность и в этом смысле не нуждается в субъектности. Вместе с тем только их совмещение может объяснить, почему всегда « $A=A$ », « A не есть не- A », «любое B есть либо A , либо не- A ». Субъект-предикатная связность оказывается встроеной в целостность и получает благодаря этому «расширение».

Последний из пяти пунктов — гипотеза о других, нежели рассмотренный пространственный, вариантах схематизма субъект-предикатной связности и, соответственно, целостности, которые могли проявить себя в неевропейских культурах.

Понятно, что эта гипотеза может подтвердиться, только если будет обнаружен хотя бы один схематизм, который в принципе исключает пространственность в каком бы то ни было смысле. Ясную подсказку в этом направлении дает нам А.Бергсон:

Чистая длительность... исключает всякое представление о рядоположенности, взаимной внешности и протяженности.

Представим себе... бесконечно малую резину, сжатую, если бы это было возможно, в математическую точку. Будем вытягивать ее постепенно таким образом, чтобы из точки заставить выходить линию, которая будет все удлиняться. Сосредоточим наше внимание не на линии, как линии, но на *действии*, которое ее чертит. Будем считать, что *действие*, вопреки его длительности, *неделимо*, если предположить, что оно выполняется безостановочно; что если в него входит остановка, то из него делается два действия вместо одного, и каждое из этих действий будет таким неделимым, о котором мы говорим; что делимым является не само движущееся действие, но неподвижная линия, которую оно отлагает под собою, как след в пространстве. *Освободимся наконец от пространства*, стягивающего движение, *чтобы считаться только с самим движением*, с актом напряжения или протяжения, словом, с чистой подвижностью (Бергсон А. Введение в метафизику // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. С. 1178—1179; курсив мой. — А.С.).

Я остановлюсь на этой цитате и не буду приводить свидетельств арабомусульманской культуры — это невозможно в докладе, но это сделано во многих моих публикациях. Скажу только, что они полностью и системно подтверждают выдвинутую выше гипотезу и точно соответствуют указанию А.Берсона. Речь идет о схематизме, который я называю схематизмом протекания и который исключает пространственность как форму своего представления.

Представим, что у нас существует запрет на использование пространственности. Это означает, что мы не можем пользоваться соответствующими иллюстрациями схематизма субъект-предикатной связности. Это — то же самое, что потребовать: скажи мне, что такое пространство, но так, чтобы его в принципе нельзя было нарисовать! скажи мне, что такое время, но так, чтобы его в принципе нельзя было нарисовать! скажи мне, что такое движение, но так, чтобы его в принципе нельзя было нарисовать!

Если кто-то скажет, что это невозможно, это будет означать базовую неспособность выйти за пределы схематизма европейского мышления. Вряд ли можно сомневаться, что сегодня культурно-общественные практики, и прежде всего образование, построены так, что воспитывают именно такую неспособность. Но это не значит, что нет культур, которые в своем историческом опыте и в определенных аспектах сегодняшнего бытования строили себя вне этих рамок, практикуя иные схематизмы. Например, схематизм протекания. Мышление, использующее этот схематизм, я называю процессуальным, соответствующую логику — процессуальной логикой, или П-логикой; а логику, соответствующую базовому схематизму субъект-предикатной связности европейского мышления, я называю субстанциальной логикой, или С-логикой.

Первыми, кто разработал все основные аспекты процессуального мышления, явив П-логику в полноценном теоретическом дискурсе, были мутазилиды — первые арабские философы (VIII в. и далее). Самое яркое, на чем можно выпукло показать отличие их процессуального мышления от субстанциального, заданного греками, — это их понимание пространства и времени. Ведь пространство и время для европейца — в каком-то смысле предельные понятия, поскольку обычно он располагает вещи и события в пространстве и времени: это — своего рода «рамка» для мира. Но не так у мутазилидов: ни пространство, ни время не являются «первичными» вместилищами вещей или событий, и Кант с его идеей того, что пространство и время — априорные формы чувственного опыта, был бы здесь невозможен. «Рамочным», предельным для мутазилидов оказывается «действие».

Минимальное время (атом времени) возникает, если «сцеплены» два действия: уничтожение и сотворение акциденций, в число которых включается также «пробывание» и «гибель». Они «сцеплены» за счет того, что направлены на одно и то же — на одну и ту же акциденцию. Точнее сказать, что это — некоторое число отдельных действий, каждое из которых направлено на каждую конкретную акциденцию в мире. Получается, что это — некоторое число *пар* действий, каждая из которых направлена на ту или иную акциденцию, так что все акциденции в мире этими сразу-совершающимися парами действий уничтожаются-и-сотворяются.

(Дефисы означают сцепленность пар действий). Эти пары действий совершает только Действователь — Бог (с некоторыми вариациями — также человек).

Сцепленность пар означает, что между «началом» и «концом» возникает (=осуществляется) протекание. Протекание — иначе выраженный факт сцепленности пары: если бы протекания не было, не было бы и сцепленности. Логически протекание, или сцепленность, выражается как объединение противоположностей.

Такое протекание, выражающее сцепленность каждой из пар действий, и есть атомарное (минимальное) время.

Такой атом времени неделим, поскольку протекание как таковое, как именно протекание, неделимо: любой разрыв уничтожает протекание, то есть уничтожает атом времени, а не делит его. (На то же указывал Бергсон.)

«Над» базовыми парами действий уничтожение-создание «надстраиваются» другие действия. Пример: движение и покой. Берем тело в данный момент времени и в непосредственно за ним следующий (непреренно два соседних момента времени) и смотрим, какое положение в пространстве занимает тело: если то же самое, то два момента времени связаны действием «покой», а если разное, то они связаны действием «движение». Движение и покой — это действия, и они всегда связывают пары моментов времени. В единичный момент времени вообще нельзя сказать о теле, что оно движется или покоится: ни то, ни другое не может быть приписано телу.

На этом построено одно из доказательств того, почему Земля находится в покое, а не падает: в каждый момент времени под ней — подставка, и в любые два последовательные момента времени Земля — на подставке, ее положение не меняется, значит, она покоится. А подставка в каждый момент времени уничтожается и творится Богом, а значит, никогда не живет более одного мгновения, а значит, ни движется, ни покоится. Проблема конечной опоры решена чисто логическими средствами.

Теперь пространство. Нет изначально пустого ньютоновского пространства-вместилища материальных точек, нет и аристотелевского качественно-размеченного пространства. Вообще изначально нет никакого пространства, как для исходных действий Действователя нет никакого времени, «в» котором бы они совершались. Пространство выстраивается вслед за наращиванием сложности атомарных структур. (Мутазилилы практически все были атомистами, т.е. считали, что деление трехмерных тел имеет предел, и этот предел — «неделимая частица», или «единичная субстанция».) Теории на сей счет были разными, и наиболее изощренный вариант этого выглядит так. Берем частицу, не имеющую ни одного измерения (\approx точка). Если таких частиц две, то они образуют первое измерение (\approx линию). Линия — это то, что протекает между двумя

«сцепленными» точками так же, по той же логике, по которой атом времени — это протекание между двумя сцепленными действиями. Дальше — по той же логике: две «линии», т.е. две по две атомарных частицы, «сцеплены» так, что между ними «протекает» второе измерение (\approx плоскость); и две плоскости — так, что между ними третье измерение. Так получаем трехмерную атомарную структуру из восьми атомов: меньшее существовать не может «ни во внешнем мире, ни в мысли», утверждают мутазилиты: это — наименьшее, что можно помыслить. Пространство здесь конструируется и «следует за» материей.

Время, пространство и движение в представлении ранних мутазилитов удивительно противоположны, до точной зеркальности, аристотелевским представлениям. И те, и другие возможны только в рамках соответствующих схематизмов.

Подытожим.

Любое слово, а тем более любая система знаков должны быть поняты. Понимание — это встраивание в эпистемную цепочку, или цепочку когнитивных актов, распадающуюся (в первом приближении) на уровни чувственного восприятия, речевой практики, теоретического мышления и заданную исходной интуицией, переводимой соответствующим схематизмом в те формы субъект-предикатной связности, которые соответствуют каждому из названных уровней. Ясное сознание невозможно вне субъект-предикатной связности. Исходные интуиции, а следовательно, и соответствующие им схематизмы вариативны. Каждая из интуиций, действующая соответствующий схематизм, задает полную (и в этом смысле автономную, самодостаточную) эпистемную цепочку.

Возможны по меньшей мере две исходные интуиции, требующие соответствующих схематизмов обеспечения субъект-предикатной связности: интуиция пространства и интуиция протекания. Следовательно, возможны две автономные эпистемные цепочки, обеспеченные на всех упомянутых уровнях развертывания когнитивных актов: чувственное восприятие; речь; теоретическое мышление.

Пространственный схематизм имплицитно метафизику субстанции, тогда как схематизм протекания имплицитно метафизику действия. Последняя сполна проявилась в том, что великий французский исламовед Л.Масиньон назвал автохтонной исламской философией; ее отдельные черты обрисованы выше.

Наконец, «процессуальность», «процессуальная логика».

И понимание слова «процессуальность», и построение «процессуальной логики» может быть выполнено как на основе пространственного схематизма, так и на основе схематизма протекания. В первом случае речь будет идти об *изменении субстанции во времени*, а во втором — о до- и вне-временных *действиях* (процессуальность в понимании движения у мутазилитов). Первое не только может,

но и будет отображено графически, второе в принципе не может быть так отображено.

Полноценная эпистемная цепочка, построенная на понимании процессуальности как действия, а не временного изменения субстанции, не может быть построена «в рамках европейской понятийной системы» — во-первых, потому, что любая понятийная система, будь то европейская или иная, строится как звено разворачивания эпистемной цепочки, реализующей определенный схематизм связности и целостности, а не наоборот; а во-вторых, потому, что «европейская понятийная система» служит звеном разворачивания той эпистемной цепочки, которая реализует схематизм связности и целостности, отраженный кругами Эйлера или схемами М.Джонсона и который может быть назван схематизмом вложенных или иначе соотносящихся пространств. Этот схематизм имплицитно метабфизику субстанции, а не метабфизику действия. Заявляя свои права на любой когнитивный акт (любой акт придания осмысленности, осмысления), этот схематизм заставляет давать принципиально пространственное отображение и времени, и любого изменения во времени, которому (изменению во времени) и присваивается название «процесс».

Слово «процессуальность» может быть наполнено смыслом (осмыслено) в презумпциях (=с использованием схематизма) и С-логики, и П-логики. Любое слово можно осмыслить и так, и этак, и еще как-то (после открытия других логик смысла). Задача не в том, чтобы показать, что только «вот это» понимание слова «процессуальность» является правильным; а в том, чтобы показать, как в разных схематизмах (разных логиках смысла) будет осмыслено данное слово — «процессуальность» или любое другое. Слово — не знак, слово — вещь внешнего мира, осмысляемая нашим сознанием так или этак, в зависимости от логики смысла. И эта зависимость должна быть показана.